

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПРЕМЬЕРА

Танцы на серьёзные темы

«Сцена-Молот» на протяжении всего своего существования находится в поиске формата, но, может быть, этот поиск и есть её формат?

Юлия Баталина

Художественный руководитель Театра-Театра Борис Мильграм неоднократно заявлял, что малая сцена для него — ребус, что хочется создать на этой площадке пространство, отличное от общетеатрального. После попытки создания театра «новой драмы» под руководством Эдуарда Боякова и Дамира Салимзянова малая сцена, сохранив прежнее название — «Сцена-Молот», стала площадкой для Лаборатории молодой режиссуры, лучшие проекты которой перерастают в полноценные спектакли.

Постепенно возможности камерной театральной площадки раскрываются всё полностью: Борис Мильграм использовал малый зал для того, чтобы подчеркнуть доверительный, почти интимный тон лирического спектакля «Месяц в деревне»; в последнее время «Сцена-Молот» стала ещё и областью применения усилий недавно набранной стажёрской группы актёров.

Один из спектаклей, специально рассчитанных на стажёров, — «3/10 заповеди. Не лги. Не прелюбодействуй. Не убий». Режиссёр Андреас Мерц-Райков поставил его по мотивам трёх из десяти новелл «Декалога» — знаменитого телевизионного проекта культового польского режиссёра 1980–1990-х годов Кшиштофа Кесльёвского. Два из использованных в спектакле сюжетов были также основой для кинофильмов — «Короткого фильма о любви» и «Короткого фильма об убийстве».

Спектакль по кинофильму — это довольно модное явление на современной сцене, не впервые это и в творчестве Мерца-Райкова: в его постановке идёт в той же «Сцене-Молот» «Догвилль» по фильму Ларса фон Триера. Этот режиссёр прекрасно понимает, что невозможно просто взять фильм и перенести его на сцену театра. Это не

перенос, а перевод — на другой художественный язык с другими возможностями и законами.

В случае с «Догвиллем» «перевод» был сделан очень аккуратно: акценты и пафос в спектакле те же, что и в картине Триера. С «Заповедями» режиссёр поступил гораздо радикальнее. Драматические новеллы Кесльёвского, поражающие своей невероятной, запредельной степенью человеческой правдивости, превратились у него в условно-притчевые сюжеты, поданные с иронией и даже где-то с юмором. У Кесльёвского — предельная степень приближения к герою, когда зритель чуть ли не физически чувствует то же, что и персонаж; у Мерца — максимальная степень отстранения, когда герои не столько живые люди, сколько типажи, функции. Им не сопротивляешь — за ними наблюдала, а чтобы наблюдать не было скучно, режиссёр превращает драму в комедию.

Это работает, и порой неплохо, в сюжетах «Не лги» и «Не прелюбодействуй», но жуткий «Не убий» совершенно не прокатывает в этой лёгкой, условно-игровой стилистике.

Неудивительно, что поклонники творчества польского кинорежиссёра категорически не приняли спектакль. Зрители, для которых фильмы-первоисточники не столь важны, отнеслись

ФОТО ЮЛИЯ ТРЕГУБ

Александр Гончарук и Екатерина Романова в спектакле «Сара Бернар. Фан-клуб»

к нему более благодушно: вроде бы и весело, и есть над чем подумать.

Для руководителей театра, думается, эта постановка важна в качестве учебной: все роли в ней исполняют новички-стажёры, и видно, как ребята ищут свои ниши, своё место в театре. Не все чувствуют себя уютно в предложенных ролях. В качестве примеров удачного попадания хочется назвать Александра Мехрякова в роли Януша из новеллы «Не лги» и Марка Букина в роли Томека из «Не прелюбодействуй». Мехрякову место, пожалуй, уже не в стажёрской, а в основной труппе...

Почти одновременно с «Заповедями» вышел спектакль «Любовь во множественном числе». Премьера неоднократно откладывалась; похоже, у художественного руководства театра были сомнения, стоит ли вообще выпу-

скать на публику эту работу. Но результат порадовал. Сегодня «Любовь во множественном числе» — самая популярная из новинок «Сцены-Молот». Зрители приходят на неё за хорошим настроением и чистой эстетикой, не испорченной серьёзными проблемами.

Это пластический спектакль, в котором не говорят ни слова. В репертуаре Театра-Театра подобных постановок несколько, но в «Шинели» и «Глазах голубой собаки» работают артисты танцевальной труппы — за исключением поразительно пластичного Алексея Каракулова, — а в «Любви во множественном числе» (в театре спектакль для удобства сократили до аббревиатуры ЛВЧ) все танцоры — драматические артисты. И это просто невероятно!

ЛВЧ — спектакль о любви, и раз уж она во множественном числе, то любовь

ФОТО АЛЕКСЕЙ ГУШИН

«Любовь во множественном числе»: Ирина Максимкина и Марат Мударисов

Алексей Каракулов в спектакле «Сара Бернар. Фан-клуб»